

Я З Ы К О З Н А Н И Е

УДК 811.511.152

А. М. Гребнева

**ЦЕЛОСТНЫЙ ПОДХОД
К ИССЛЕДОВАНИЮ СЛОВΟΣЛОЖЕНИЯ
НОМИНАНТОВ МОРДОВСКИХ ЯЗЫКОВ**

В статье анализируются структурные типы словообразовательных моделей номинантов флористических лексем мордовских (эрзянского и мокшанского) литературных языков и их диалектов, функционирующие на территории Республики Мордовия и за ее пределами в местах компактного проживания эрзи и мокши. Изучение вопросов диалектной лексики входит в комплексное междисциплинарное исследование проблем финно-угроведения, выполняемое учеными университета. Актуальность подобных исследований обусловлена прежде всего научным изучением лингвистического аспекта составной части общенародного словаря, то есть задачей, имеющей первостепенное значение для финно-угорских языков. Учитывая, что диалектные названия относятся к части словаря, наиболее быстро выходящей из употребления, необходимо планомерно и корректно зафиксировать их, систематизировать и изучить. Такова одна из главнейших задач современной лингвистики. В Мордовском госуниверситете обозначенные проблемы относятся к числу второго приоритетного научного направления; им уделяется особое внимание. Ученые филологического факультета на протяжении нескольких десятилетий активно собирают и систематизируют диалектологический материал в местах проживания мордвы (мокши и эрзи) в Республике Мордовия и за ее пределами. Ими накоплен богатейший материал, отраженный в диссертационных работах и отдельных научных изысканиях.

Ключевые слова: диалектная лексика, синтаксические особенности, структурные типы номинантов, фитонимы.

В данном исследовании продолжается работа над проблемой «Диалектная лексика мордовских языков», которая ведется автором с 1980 г. По специально составленной программе автор ежегодно собирает материал на территории Республики Мордовия и за ее пределами. В каждом населенном пункте информантами становились в первую очередь учителя-биологи, словесники или знатоки интересующего нас лексического континуума, соприкасающиеся по роду своей деятельности с той или иной реальией. Необходим тщательный сбор диалектологического материала и его изучение с точки зрения фонетических, морфологических и синтаксических особенностей, поскольку зоной проживания мокши и эрзи

являются также Ульяновская, Оренбургская, Самарская, Пензенская, Нижегородская, Тюменская, Челябинская обл.; республики Башкортостан, Татарстан, Чувашия и др. Недостаточная изученность лексического материала затрудняет работу над теоретическими исследованиями в общем финно-угроведении.

Цель статьи – описать структурные типы номинантов, состоящие из двух или более компонентов и входящие в одну лексико-тематическую группу – флористическую. В основу положены материалы словарей, архивный словарный материал М. Е. Евсевьева, словарные материалы картотеки филологического факультета Мордовского университета и личные полевые записи автора.

Академик В. В. Виноградов отстаивал мысль о том, что словосочетание относится к номинативным средствам языка, далее, к сожалению, не уточняя, все ли словосочетания относятся к номинативным единицам, или это относится лишь к идеоматизированным сочетаниям слов [2. С. 12–56]. Известно, что словосочетание номинативными функциями соответствует слову. Это отмечали Е. В. Кротевич [7], Н. Н. Прокопович [10] и др.: словосочетание – это готовая единица языка и, подобно слову, служит строительным материалом для предложения, что бесспорно.

Однако нужно иметь ввиду и другой аспект: свободное словосочетание создается и функционирует в предложении для определенного момента в речевой коммуникации. Важно то, что грамматически и семантически они различны. Любопытно отметить, что в последнее время лексикализованные словосочетания стали предметом изучения в разносистемных языках. Так, Г. И. Климовская, исследуя подобные сочетания в славянских языках, именует их синлексами [6. С. 120–127].

В мордовском языкознании, как и в других финно-угорских языках, словосложение – это древнейший способ образования, обладающий высокой продуктивностью. В флористической терминологии так создаются все виды фитонимов, содержащие два простых компонента и более. Подобные структурные образования мы считаем номинантами. К ним относятся фитонимы-словосочетания (составные слова) и фитонимы – сложные слова.

Составные фитонимы представляют собой словосочетания-номинанты, компоненты которых имеют устойчивую связь и не заменяются другими словами. Им свойственно своеобразие, заключающееся в семантической целостности, независимо от конкретного значения компонентов. Они заслуживают особого внимания, так как в них заложено одно из основных отличий структуры мордовских фитонимов, например от русских.

Фитонимы – составные слова – выступают как единое структурное целое. Сколько бы компонентов они ни содержали, семантическая целостность их при функционировании сохраняется. Номинативная функция их постоянная и единичная. Количество составляющих элементов может быть различным – два и более. Порядок их следования постоянен. Такое сочетание вычленяется из речи, не распадаясь на составные части. Каждый компонент, взятый отдельно, имеет свое значение, фонетически не деформирован и обладает ударением. Этим, как правило, они отличаются от сложных фитонимов. Например, э. д. *krandaz t'ikše* 'пустырьник' (букв. 'телега-трава') представляет собой терминологическое сочетание, которому свойственна идиоматичность.

Это самая многочисленная группа. Перечислим некоторые из них: э. л. *куконь понкст* ‘ландыш’ (букв. ‘кукушка-штанина’), э. л. *эльде начко* ‘конский щавель’ (букв. ‘кобыла-сырость’), э. л. *тюжа цеця* ‘одуванчик’ (букв. ‘коричневый цветок’), э. л. *туво нар* ‘подорожник’ (букв. ‘свинья-луг’), э. л. *дурак тише* ‘белена’ (букв. ‘дурак-трава’), э. л. *верьгизэнь пазава* ‘папоротник’ (букв. ‘волчья-икона’), э. д. *vatrakš lopa* (прп.) ‘водоросль’ (букв. ‘лягушка-лист’), э. д. *čir’ej lopa* (б. мрс.) ‘подорожник’ (букв. ‘медвежий-колокол’), э. д. *at’akšon’ moramo* (блд.) ‘конский щавель’ (букв. ‘петуха-пение’), э. д. *katka lapša* (слщ. ич.) ‘герань’ (букв. ‘кошка-лапша’), э. д. *ravžo in’z’ej* (прд.) ‘ежевика’ (букв. ‘черная малина’), э. д. *karov d’ikše* (ч. прм.) ‘валериана душистая’ (букв. ‘муха-трава’); м. л. *каза марькс* ‘шиповник (куст)’ (букв. ‘коза-ягода’), м. л. *ведь кукиень* ‘кувшинка’ (букв. ‘вода-кувшин’), м. л. *ведь нюрень* ‘водоросль’ (букв. ‘вода-водоросль’), м. д. *akša pr’a* ‘ромашка’ (букв. ‘белая голова’) (во многих говорах), м. д. *moraj d’išən’ä* (арм.) ‘ромашка пахучая’ (букв. ‘поющая травка’), м. д. *tatarən’ žl’apa* ‘хвощ полевой’ (н. лпв.) (букв. ‘татарская шляпа’), м. д. *s’äpi t’iše* ‘цикорий обыкновенный’ (л. цбв., сял., л. ард.) (букв. ‘горькая трава’), м. д. *oftən’ gz’t’i* ‘брусника’ (л. цбв.) (букв. ‘медвежья земляника’ и другие.

Для таких фитонимов характерна однозначность. Отметим, что многие из них возникли на основе известных названий растений или слов, не имеющих отношения к флоре. Отличительная черта многих подобных образований – это перевод наименования одного предмета в состав видового или общеродового наименования другого предмета по каким-либо признакам, ассоциативно устанавливающим связь между этими предметами в представлении носителей языка: э. д. *umar’en’ pr’aka* (пркв.) ‘прострел раскрытый’ (букв. ‘яблочный пирог’), э. д. *vašin’ bil’e* (м. двд.) ‘подснежник’ (букв. ‘жеребца ухо’); м. д. *grac’ pr’a* (шгв.) ‘клевер’ (букв. ‘грачиная голова’), *ved’ən’ d’išə* (п. слщ.) ‘водоросль’ (букв. ‘водяная трава’), *karun’ ranga* (блд. рз.) ‘мухомор’ (букв. ‘мухи гриб’), м. д. *ker’i t’iše* (м. мск.) ‘крапива жгучая’ (букв. ‘режущая трава’) и др. Такие образования служат способом пополнения ботанической терминологии мордовских языков. В диалектах создание составных слов тоже – активный способ словообразования.

Составные слова-номинанты неоднородны по способу грамматического оформления и смыслового взаимоотношения компонентов. С точки зрения структурных типов, в данной части лексики мордовских языков нет однообразия, что, по-видимому, объясняется относительной «молодостью» подобных образований, а также ареальными особенностями процесса ее формирования, что, в частности, сказалось на сравнительно малой стабильности номинантов-фитонимов в целом.

При образовании многокомпонентных номинантов, как правило, функции родового наименования выполняют лексемы: э. *тикше*, м. *тише* ‘трава’, э. *панго*, м. *панга* ‘гриб’, э., м. *лопа* ‘лист’, э. *чувто*, м. *шufta* ‘дерево’, э. *цеця*, м. *панчф* ‘цветок’, э. *куро*, м. *кусторкс* ‘куст’. В наших предыдущих работах особое внимание данным лексемам было уделено с точки зрения как этимологии, так и функционирования их в составе номинантов [3. С. 170–175; 4. С. 119–125; 5. С. 6–12].

Важные сведения мы извлекли из научных исследований Г. Г. Саберовой [12], а также из планомерных выпусков научных статей, написанных в ходе подготовки издания «Лингвистического атласа удмуртского языка» [1. С. 63–70; 8. С. 71–90; 13. С. 91–98] и др. Руководитель проекта – д. филол. н. Р. Ш. Насибуллин.

Рассмотрим образования фитонимов из двух и более компонентов.

Двухкомпонентные составные слова

В словах из двух компонентов первый из них является дифференцирующим и выполняет релятивную функцию, а второй обычно соотносится с отдельными физическими характеристиками (цвет, величина и т. д.), либо с местом произрастания, либо с различными живыми существами и предметами. Эти номинанты составляют основную массу не только в мордовской ботанической терминологии, но и в родственных языках финно-угорской группы. Так, на богатом фактическом материале рассмотрены удмуртские фитонимы в научной статье М. Р. Насибуллиной [9]. Их вторым компонентом в большинстве своем выступают слова, обозначающие родовое понятие, а первым – видовое. По структуре они могут быть различными.

Тип «существительное в абсолютной форме + существительное»: э. д. *инзейкуро* ‘малина (куст)’ (букв. ‘малина-куст’) [11], э. д. *ava lopa* (клд.) ‘подорожник’ (букв. ‘женщина-лист’), э. д. *ava t’ešt’e* (ард. дбн.) ‘чемерица’ (букв. ‘женщина-звезда’), э. д. *pin’eme t’ikše* (мл.) ‘овсюг’ (букв. ‘овес-трава’), э. д. *vedun t’ikše* (ард. дбн.) ‘спаржа’ (букв. ‘ведьма-трава’), э. д. *l’agaj lopa* (ич.) ‘водоросль’ (букв. ‘лягушка-лист’), э. д. *topo s’ukoro* (дрк.) ‘просвирник’ (букв. ‘творог-лепешка’); м. д. *at’a palaks* (сзг.) ‘крапива глухая’ (букв. ‘старик-крапива’), м. д. *karu t’iše* (паев.) ‘душица’ (букв. ‘муха-трава’), м. д. *pin’e r’äps* (к. снф.) ‘сурепка’ (букв. ‘собака-репа’), м. д. *roz’ bančf* (прз.) ‘василек’ (букв. ‘рожь-цветок’) и др.

Тип «существительное в генитиве + существительное в номинативе». В названиях такого рода связь между словами – атрибутивная, т. е. первое слово выступает определением второго слова-номинанта, которое уточняется, конкретизируется с какой-либо стороны: э. д. *kiskan’ pango* (игн.) ‘мухомор’ (букв. ‘собаки гриб’), э. д. *bukan’ bulo* (прк., дгл.) ‘чертополох’ (букв. ‘быка хвост’), э. д. *sarazon’ s’el’me* (прм.) ‘бузина’ (букв. ‘курицы глаз’), э. д. *čejer’en’ kar’ks* (врм.) ‘вьюнок’ (букв. ‘мышы веревка’), э. д. *kargin’ ksnav* (шгр.) ‘дикая вика’ (букв. ‘журавля горох’), э. д. *tuvin’ gurgo* (блд.) ‘просвирник’ (букв. ‘свиньи рот’), э. д. *ver’gizjn’ bajaga* (сбв.) ‘колокольчик’, *baban’ pil’ekst* (м. двд.) ‘подснежник’ (букв. ‘жеребца-ухо’), э. д. *baban’ palaks* (м. двд.) ‘пустырник’ (букв. ‘старухи крапива’), э. д. *кискань ловцо* (Евсевьев) ‘молочай’ (букв. ‘собаки молоко’); м. д. *nutolan’ kapsta* (млч.) ‘молочай’ (букв. ‘зайца капуста’), м. д. *oftän’ ks’t’i* (л. цбв.) ‘брусника’ (букв. ‘медвежья земляника’), м. д. *ovtän’ rona* (л. цбв., сял., плк., кчт., л. ард.) ‘гравилат речной’ (букв. ‘медвежий цвет’), м. д. *връгазонь тише* (КС) ‘дурман’ (букв. ‘волчья трава’), м. д. *mastärän’ ks’t’i* (врж., прц., пдл.) ‘земляника’ (букв. ‘земляная земляника’) и др.

Тип «относительное прилагательное + существительное»: э. д. *ved’in’ luga* (кр. нив.) ‘водоросль’ (букв. ‘водяной луг’), э. д. *вармань крандаз* (Евсевьев)

‘перекати-поле’ (букв. ‘ветра телега’), э. д. *bojarks čuvto* (б. мрс.) ‘боярышник’ (букв. ‘барское дерево’); м. л. *пичень ксты* ‘брусника’ (букв. ‘сосновая земляника’), м. д. *bojarin’ rango* (крн.) ‘белый гриб’ (букв. ‘барский гриб’), м. д. *pičen’ ržik* (крг.) ‘рыжик’ (букв. ‘сосновый рыжик’) и т.д.

Тип «качественное прилагательное + существительное». Фитонимов, образованных по данной модели, в мордовских языках довольно много: э. д. *naviła pangâ* (шгр.) ‘масленок’ (букв. ‘скользящий гриб’), э. д. *роѡан’а рана* (дгл.) ‘сыроежка’ (букв. ‘рассыпчатый гриб’), э. д. *paro rango* (крж.) ‘груздь’ (букв. ‘хороший гриб’), э. д. *čin’ev palaks* (дгл.) ‘пустырник’ (букв. ‘вонючая крапива’), э. д. *кудряв баба* (Евсевьев) ‘одуванчик’ (букв. ‘кудрявая старуха’), э. л. *чинеv почко* ‘бутень клубненосный’ (букв. ‘пахучий стебель’); м. д. *lambata r’âps* (тлк.) ‘брюква’ (букв. ‘сладкая репа’), м. д. *kel’i lopa* (ммл.) ‘конский шавель’ (букв. ‘широкий лист’), м. д. *kuje marš* (в.снч.) ‘лебеда’ (букв. ‘жирная лебеда’), м. д. *s’epi t’iše* (ст. бдк.) ‘бессмертник’ (букв. ‘горькая трава’), м. д. *ponav ks’t’iks* (л. цбв.) ‘крыжовник’ (букв. ‘волосатая земляника’) и др.

Тип «существительное в генитиве (иногда в номинативе) + имя действия»: э. д. *ken’d’aljn’ guliftjma* (прм.) ‘клоповник’ (букв. ‘клопа умерщвление’), э. д. *at’akšon’ moramo* (блд.) ‘конский шавель’ (букв. ‘петуха пение’), э. д. *sarazon’ kuloma* (клс.) ‘белена’ (букв. ‘курицы умерщвление’); м. д. *karu uraftama* (н. пшн.) ‘мухомор’ (букв. ‘мухи умерщвление’), м. д. *sarazän’ guliftjma* (анв.) ‘белена’ (букв. ‘курицы умещвление’).

Тип «имя действия + существительное»: э. д. *naramo čur’ka* (дрк.) ‘лук-батун’ (букв. ‘стрижка-лук’), м. д. *purdam panga* (блд. зп.) ‘лисичка (гриб)’ (букв. ‘сворачивание-гриб’), м. д. *puštam panga* (анв.) ‘лисичка (гриб)’ (букв.: жарение-гриб), м. н’иксамъ т’ишъ (ММРС) ‘ромашка’ (букв. ‘нюханье-трава’).

Тип «причастие + существительное»: э. д. *puric’a t’ikše* (отр.) ‘осот’ (букв. ‘колючая трава’), э. л. *пици палакс* ‘крапива’ (букв. ‘жгучая крапива’); м. д. *šarij pokrat* (пдл.) ‘бобы’ (букв. ‘округлый боб’), м. д. *moraj d’išän’ä* (крк.) ‘ромашка пахучая’ (букв. ‘поющая травка’), м. д. *kär’äj d’iše* (в. слщ.) ‘осот’ (букв. ‘режущая трава’) и др.

Тип «существительное в инессиве + существительное». Образований данного типа в мордовских языках очень мало: э. д. *čuvtso purka* (крж.) ‘почка’ (букв. ‘на дереве нарост’), э. д. *vecę c’ec’a* (дрк.) ‘водяная лилия’ (букв.: ‘в воде цветок’).

Тип «русское прилагательное + мордовское существительное»: э. д. *šir’in’ovoj c’vetka* (прд.) ‘анютины глазки’ (букв. ‘сиреневый цветок’), *bezumnoj d’ikše* (лбс. ич.) ‘белена’ (букв. ‘безумная трава’), м. д. *d’ikij pin’imä* (шгр.) ‘овсюг’ (букв. ‘дикий овес’); м. д. *s’inäte pančf* (н. всл.) ‘василек’ (букв. ‘синий цветок’).

Особый тип составных слов – образования, обязательным элементом которых является лексема *пря* ‘голова, головка, вершина, кончик’ или *пал* ‘кусок’: э. д. *титикше пря* (Евсевьев) ‘подсолнух’ (букв. ‘солнце-трава-головка’), э. д. *čavka pr’a* (кбв.) ‘клевер’ (букв. ‘галка-головка’), э. д. *ašo pr’a nar’t’imks* (блд.) ‘тысячелистник’ (букв. ‘белая головка-полынь’), э. л. *варакань пря тикше* ‘клевер’ (букв. ‘грача головка-трава’), э. д. *чурька пря* ‘луковица’

(букв. ‘лук-головка’); м. л. *варсиньпря*, *варсинал* ‘клевер’ (букв. ‘ворона-головка’), м. л. *шурьхкяпря* ‘луковица’ (букв. ‘лук-головка’) и др.

Сложные слова

Наряду с составными фитонимами в ботанической терминологии мордовских языков значительное место занимают сложные слова, отличающиеся семантической и морфологической спаянностью. Граница между составными и сложными фитонимами весьма подвижна.

А. А. Уфимцева отмечает: «<...> в родном языке человек, свободно владеющий им, произносит слова и воспринимает значение слов, не замечая их материальной формы как чего-то автономного, отдельного; как раз наоборот, форма словесного знака в нашем сознании тесно связана с его значением, поэтому они запечатлеваются как единое целое, так что, являясь основным компонентом в акте, пользуясь словом, мы совершенно не задумываемся над формой знака при становлении словесного знака. И в то же время форма знака при становлении словесного знака является основным компонентом в акте знакообразования, выполняя роль означаемой основы наименования, являясь материальным носителем расчлененных идеальных сущностей, представлений, понятий, их отдельных признаков» [14. С. 53].

При определении места сложных номинантов в общей системе, в данном случае флористических лексем, фонетический критерий оказывается ведущим: если сравнить составные слова, где нормой является равномерное ударение на обоих компонентах, и сложные, характеризующиеся объединяющим ударением на первом компоненте и ослабленным – на втором, то своеобразие их акцентологического рисунка становится очевидным.

Мы относим к сложным в основном такие образования, в которых наблюдается исчезновение морфологической границы между компонентами. Этот тип интеграции можно назвать композитным. Примерами композитного опрощения служат следующие: э. л. *товсюро*, м. л. *тозер*, м. д. *toz'ara* (в. слщ.), э. д. *тоз'ера* ‘пшеница’ (< *тов* ‘мука’ + *сюро* ‘зерно’), э. д. *lamar'* (дрк.) ‘черемуха’ (< *лайме* ‘пойма’ + *марь* ‘ягода’), э. л. *модамарь* ‘картофель’ (< *мода* ‘земля’ + *умарь* ‘плод, ягода’, э. д. *čin'žarka* (чкл.) ‘подсолнух’ (< *чи* ‘солнце’ + *-н* (ген. суфф.) + *чара* = ‘вертеться, поворачиваться’ + *-ка* (словообразовательный суфф.) и др.

Многокомпонентные составные слова

Многокомпонентные названия включают три слова и более, причем ими могут быть различные части речи: э. д. *moda potmon' openka* (сбн.) ‘шампиньон’ (букв. ‘земля-внутренности-опенок’), э. д. *odavan' čata lopa* (дрк.) ‘мать-и-мачеха’ (букв. ‘молодой женщины лицо-лист’), м. д. *t'uža pr'a bančf* (в. слщ.) ‘одуванчик’ (букв. ‘коричневая голова-цветок’). Чем больше компонентов, тем меньше частотность названия. Подобные образования выходят за пределы обычных словосочетаний, в то же время их элементы неотделимы друг от друга и вместе представляют собой одно структурное целое. Это устойчивость семантического, синтаксического и фразеологического характера, не допускающая исключения из состава какого-либо компонента.

Среди многокомпонентных названий выделяется ряд типов.

Тип «существительное + существительное + существительное»: э. д. *katka lopa t'vetka* (ич.) 'герань' (букв. 'кошка-лист-цветок'), э. д. *гром палакс тикше* (Евсевьев) 'чертополох' (букв. 'гром-крапива-трава'), м. д. *тракс вацъ панга* (ММРС) 'масленок' (букв. 'коровяк-гриб'), м. д. *ofta makar pank* (ст. пшн.) 'шиповник' (букв. 'медведь-зад-заплата'), м. д. *at'a kar' lopa* (с. всл.) 'лопух' (букв. 'старик-лапоть-лист'), м. д. *ofta mar' banks* (дрк. тр.) 'шиповник' (букв. 'медведь-яблоко (ягода)-заплата').

Тип «существительное (чаще в форме генитива) + существительное (иногда в форме генитива) + существительное»: э. д. *varakan' br'a t'ikše* (ст. ард.) 'клевер' (букв. 'вороны голова-трава'), э. д. *kiskan' kel' lopa* (дрк.) 'подорожник' (букв. 'собаки язык-лист'), э. д. *vir' avan' zuft'eme* (ст. ард.) 'папоротник' (букв. 'лесной женщины решето'), э. д. *joznän' kel' t'ikše* (дрк.) 'осока' (букв. 'змеи язык-трава'), э. д. *katkan' lopa t'vetka* (ич.) 'герань' (букв. 'кошки-лист-цветок'); м. д. *äl'd'än' načka lopa* (прп.) 'конский шавель' (букв. 'кобылы сырость-лист'), м. д. *vir' avan' bil'eks* (ст. бдк.) 'кленовые цветы' (букв. 'богини леса серьги'), м. д. *ofta makar pank* (ст. пшн., н. пшн., крк.) 'шиповник' (букв. 'медведь-зад-заплата'), м. д. *ofta mar' banks* (дрк. тр.) 'шиповник' (букв. 'медведь-ягода-заплата') и др.

Тип «существительное (чаще в форме генитива) + имя действия + существительное»: э. д. *sarazon' guloma čuvto* (дрк.) 'бузина' (букв. 'курицы смерть-дерево'), э. д. *верень лоткафтума тикше* (Евсевьев) 'подорожник' (букв. 'крови-остановить-трава'), э. д. *христозонь вельтямо тикше* (Евсевьев) 'папоротник' (букв. 'Христоса покрывание-трава'), э. д. *ver'in' bot'amu lopa* (отр.) 'подорожник' (букв. 'крови сосание-лист'); м. д. *кудонь штама тише* (КС) 'хвощ ветвистый' (букв. 'дома мытье-трава'), м. д. *karu ureftama panga* (во многих говорах) 'мухомор' (букв. 'муха-умещвление-гриб'), м. д. *ver'en' žokši lopa* (ст. бдк., крк.) 'пижма' (букв. 'крови-всасывание-лист') и др.

Тип «прилагательное + существительное + существительное»: э. д. *aša pr'a c'ec'ka* (шгр.) 'столетник', букв.: 'белая голова-цветок', м. д. *čovin'e pur'gin'e palaks* (м двд.) 'бодяк полевой' (букв. 'стройненький-гром-крапива'), э. д. *ožo pr'a nar'temks* (прм.) 'тмин' (букв. 'желтая голова-полынь'); м. д. *s'en'em pr'a pančf* (млш.) 'колокольчик' (букв. 'синяя голова-цветок').

Тип «прилагательное + существительное с н-овым формантом + существительное»: э. д. *ravža pojen' banga* (шгр.) 'подгруздь' (букв. 'черная-сосны-гриб'); м. д. *akša vars'ijen' br'a* (ммл.) 'дикий клевер' (букв. 'белая-вороны-голова').

Многокомпонентные номинанты определенным образом организованы вокруг одного слова, но из них могут быть вычленены пары взаимосвязанных слов (ёзнэнь кель – тикше). Связь в словах – подчинительная.

Основной путь пополнения исследуемой тематической группы лексики – это номинанты и отчасти сложные лексемы обоих языков, что осуществляется согласно общим закономерностям именного словообразования и законам, функционирующим в мордовских. Главная особенность состоит в том, что прослеживается тенденция создания преимущественно двух- или более компонентных номинантов – составных слов. Это самый многочисленный вид наименований фитонимов.

Их формирование в мордовских языках продолжается и до настоящего времени, которое влечет за собой более глубокое понимание мышления в языке. Сохранившийся словесный знак как имя – факт социально-духовной жизни человека, а также и психологии, формировавшихся в течение длительного времени благодаря внутриязыковым факторам и экстраязыковым.

СОКРАЩЕНИЯ

Названия диалектов (говоров): анв. – говор населенного пункта Анаево Zubovo-Полянского р-на Республики Мордовия (РМ); ард.дбн. – н. п. Ардатово Дубёнского р-на РМ; арм. – н. п. Армеевка Темниковского р-на РМ; блд. – н. п. Болдасево Ичалковского р-на РМ; блд.зп. – н. п. Булдыгино Zubovo-Полянского р-на РМ; блд.рз. – н. п. Болдово Рузаевского р-на РМ; б.мрс. – н. п. Большое Маресево Чамзинского р-на РМ; врж. – н. п. Варжелай Торбеевского р-на РМ; врм. – н. п. Вармазейка Большеигнатовского р-на РМ; в.слщ. – н. п. Вадовские Селищи Zubovo-Полянского р-на РМ; в.снч. – н. п. Верхнее Санчелеево Ставропольского р-на Самарской обл.; дгл. – н. п. Дегилевка Большеберезниковского р-на РМ; дрк. – н. п. Дюрки Атяшевского р-на РМ; дрк.тр. – н. п. Дракино Торбеевского р-на РМ; игн. – н. п. Большое Игнатово Большеигнатовского р-на РМ; ич. – н. п. Ичалки Ичалковского р-на РМ; кбв. – н. п. Кабаево Дубенского р-на РМ; клд. – н. п. Кильдюшево Тетюшского р-на Республики Татарстан; клс. – н. п. Кулясово Атяшевского р-на РМ; крг. – н. п. Каргал Zubovo-Полянского р-на РМ; крж. – н. п. Киржеманы Атяшевского р-на РМ; крн. – н. п. Корино Краснослободского р-на РМ; кр.нив. – н. п. Красная Нива Большеигнатовского р-на РМ; к.снф. – н. п. Копрнь-Саньф Zubovo-Полянского р-на РМ; кчт. – н. п. Кочетовка Инсарского р-на РМ; л.ард. – н. п. Лесное Ардашево Темниковского р-на РМ; лбс.ич. – н. п. Лобаски Ичалковского р-на РМ; л.цбв. – н. п. Лесное Цыбаево Темниковского р-на РМ; м.двд. – н. п. Мордовское Давыдово Кочкуровского р-на РМ; мл. – н. п. Мокшалай Чамзинского р-на РМ; млч. – н. п. Молчаново Темниковского р-на РМ; млш. – н. п. Малышево Торбеевского р-на РМ; ммл. – н. п. Мамолаево Ковылкинского р-на РМ; м.мск. – н. п. Мордовско-Маскинские Выселки Ельниковского р-на РМ; н.всл. – н. п. Новые Выселки Zubovo-Полянского р-на РМ; н.лпв. – н. п. Новое Лепьево Ковылкинского р-на РМ; н.пшн. – н. п. Ново Пшенево Ковылкинского р-на РМ; отр. – н. п. Отрадное Чамзинского р-на РМ; паев. – н. п. Паево Инсарского р-на РМ; пдл. – н. п. Подлясово Zubovo-Полянского р-на РМ; прд. – н. п. Парадеево Ичалковского р-на РМ; прз. – н. п. Промзино Zubovo-Полянского р-на РМ; прк. – н. п. Паракино Большеберезниковского р-на РМ; пркв. – н. п. Пуркаево Дубенского р-на РМ; прм. – н. п. Пермиси Большеберезниковского р-на РМ; прп. – н. п. Парапино Ковылкинского р-на РМ; прц. – н. п. Парца Zubovo-Полянского р-на РМ; сбв. – н. п. Сабаево Кочкуровского р-на РМ; сбн. – н. п. Сабанчеево Атяшевского р-на РМ; с.всл. – н. п. Саввинские Выселки Торбеевского р-на РМ; сзг. – н. п. Сузгарье Рузаевского р-на РМ; ст.ард. – н. п. Старое Ардатово Ардатовского р-на РМ; ст.бдк. – Старое Бадиково Zubovo-Полянского р-на РМ; ст.пшн. – н. п. Старое Пшенево Ковылкинского р-на РМ; сял. – н. п. Лесные Сиялы Темниковского р-на РМ; тлк. – н. п. Старая Толковка Ковылкинского р-на РМ; чкл. – н. п. Чукалы Ардатовского р-на РМ; ч.прм. – н. п. Черная Промза Большеберезниковского р-на РМ; шгв. – н. п. Старое Шайгово Старошайговского р-на РМ; шгр. – н. п. Шугурово Большеберезниковского р-на РМ.

Названия языков: м. – мокшанский; м. д. – мокшанский диалектный; м. л. – мокшанский литературный; э. – эрзянский; э. д. – эрзянский диалектный; э. л. – эрзянский литературный.

Прочие: Евсевьев – Архивный словарный материал М. Е. Евсевьева, Центральный государственный архив Республики Мордовия. КС – Картотека словарная Мордовского университета филологического факультета. ММРС – Черапкин И. Г. Мокша-мордовский словарь с грамматическим справочником. – Саранск, 1933.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бусыгина Л. В. Названия купальницы в удмуртских диалектах // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. Вып. 4. С. 63–70.
2. Виноградов В. В. Идиалистические основы синтаксической системы проф. А. М. Пешковского, ее эклетизм и внутренние противоречия // Вопросы семантики современного русского языка. М., 1950. С. 12–56.
3. Гребнева А. М. Семантика и диалектная синонимика наименований травянистой флоры мордовских языков // Сибирский филологический журнал. 2009. № 3. С. 170–175.
4. Гребнева А. М. Семантические модели мордовских наименований грибов // Сибирский филологический журнал. 2010. № 2. С. 119–125.
5. Гребнева А. М. Диалектные наименования номинантов мордовских травянистых растений // Ежегодник финно-угорских исследований. 2012. Вып. 2. С. 6–12.
6. Климовская Г. И. Русский синлекс и немецкое «сложное слово» // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск, 1978. Вып. 2. С. 120–127.
7. Кротевиц Е. В. Словосочетание как строительный материал предложения. Львов, 1956. 37 с.
8. Максимов С. А. Удмуртская береза и березняк в свете лингвогеографии // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. Вып. 4. С. 71–90.
9. Насибуллина М. Р. Зоонимические компоненты в многосоставных фитонимах удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. Вып. 3. С. 37–59.
10. Прокопович Н. Н. Словосочетание в русском литературном языке. М., 1956.
11. Русско-эрзянский словарь / М-во образования и науки РФ, МГУ им. Н. П. Огарева; [сост.: О. Г. Борисова и др.; ред. М. В. Мосин]. Саранск, 2012. 624 с.
12. Саберова Г. Г. Названия растений в татарском литературном языке. Казань: ИЯЛЯ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1996. 129 с.
13. Семёнов В. Г. Названия василька в удмуртских диалектах и их происхождение // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. Вып. 4. С. 91–98.
14. Уфимцева А. А. Лексическое значение (Принцип семасиологического описания лексики). М.: Едиториал УРСС, 2002. 240 с.

Поступила в редакцию 11.05.2016

A. M. Grebneva

A Holistic Approach to the Research of Nominee Compounding in the Mordvinian Languages

The article aims to analyze structural types of the word-formation models of floristic nominees in the Mordvinian literary languages (both the Erzya and the Moksha ones) and their dialects, which function both in the Republic of Mordovia and beyond it where compact groups of the Erzya and the Moksha live. The study of dialectal lexis is a part of comprehensive interdisciplinary research on the problems of the Finno-Ugric studies. The importance of conducting such researches is primarily caused by the study of the linguistic aspect of the

component part of the nationwide vocabulary. This objective is of paramount importance to the Finno-Ugric languages. Considering, that the dialectal words quickly go out of use, they should be systematically and correctly recorded, systematized and studied, and this is one of the main problems of the modern linguistics. The above-mentioned issues are the second priority in Ogarev Mordovia State University. Therefore over several decades researchers of the Faculty of Philology have been actively collecting and systematizing the dialectological materials among the Moksha and the Erzya living both in the Republic of Mordovia and in other parts of Russia. They have collected rich material which was used in writing dissertations and doing separate researches.

Keywords: the dialect lexicon, the syntactic features, the structural types of nominees, phytonyms.

Гребнева Александра Михайловна,
кандидат филологических наук, доцент,
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
430005, Россия, г. Саранск, ул. Пролетарская, 63
E-mail: lengrebneva@rambler.ru

Grebneva Alexandra Mikhaylovna,
Candidate of Sciences (Philology), Assistant Professor,
Ogarev Mordovia State University
430005, Russia, Saransk, Proletarian St., 63
E-mail: lengrebneva@rambler.ru